

8Г1
Т78
37233

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА им. В.И. ЛЕНИНА

СБОРНИК

IV

ПУШКИН

ОСТРОВСКИЙ

ЗАПАДНИКИ
и
СЛАВЯНОФИЛЫ

СОЦЭКГИЗ · 1939

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА к И. С. и К. С. АКСАКОВЫМ

Из переписки И. С. Тургенева с семьей Аксаковых известны 42 письма Тургенева к Аксаковым за 1852—1857 гг., напечатанные в первых двух книгах «Вестника Европы» 1894 г., и 56 писем С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к Тургеневу за 1851—1861 гг., опубликованных Л. Н. Майковым в журнале «Русское обозрение» 1894 г. (книги 8—12; есть отдельный оттиск).

Печатаемые здесь два письма И. С. Тургенева к И. С. Аксакову (от 28 декабря 1852 г.) и к К. С. Аксакову (от 12 марта 1859 г.) и две записки, адресованные К. С. Аксакову, не имеющие точных дат и предположительно отнесенные к 1851 г., публикуются впервые по автографам, хранящимся в Отделе рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина (архив Аксаковых).

Являясь дополнением к известной переписке Тургенева с Аксаковыми, эти письма и записки вносят новые штрихи в его отношения к славянофилам в лице Аксаковых, с одной стороны, и к революционной демократии 60-х годов — с другой.

Особенно знаменательно с этой стороны письмо Тургенева к К. С. Аксакову от 12 марта 1859 г. Тургенев здесь высказывает свое возмущение рецензией «Современника» на сочинения С. Т. Аксакова, принадлежавшей перу Н. А. Добролюбова, и сообщает о своем решении прекратить свое сотрудничество в журнале Н. А. Некрасова навсегда.

Письмо приоткрывает обострившиеся противоречия между западником-либералом Тургеневым и западниками-революционными демократами (Некрасов, Чернышевский, Добролюбов), группировавшимися вокруг «Современника». Эти противоречия неизбежно вели к разрыву, который и произошел в начале 1860 г.

И. С. Ежов.

I

С. Спасское. 28-го Декабря [18]52

Только вчера, любезный Иван Сергеевич, получил я Ваше письмо от 4-го Октября. Прежде чем я буду отвечать Вам на него, мне непременно нужно объяснить Вам почему это глупое место о Г-не Любозвонове осталось в моих Записках¹. — Вы может-быть слышали что книга эта была издана и напечатана в моем отсутствии. — Я едва просмотрел рукопись прежде чем я послал ее к Кетчеру² — помнил я что был какой-то где-то намек в «Записках» на Славянофильство — нашол несколько слов на этот счет в «Хоре и Калиниче» — и выкинул их³ — а то место осталось, к великой моей досаде. — Могу Вас уверить что я вовсе не думал о Вашем брате когда его писал — и Вы можете себе легко представить что я во всяком случае выкинул бы это место после нашего сближения — еслиб я вспомнил о нем. — Пусть Ваш брат извинит мою рассеянность — и это ему будет тем легче — что подобные холодные шутки падают на того, кто их произносит — мне гораздо будет труднее забыть мою неосмотрительность — и — повторяю — досада моя очень велика⁴. —

Теперь о Вашем письме. — Все что Вы говорите о З[аписках] О[хотника] — я подписываю обеими руками и писал уже об этом Вашему брату⁵. Я, право, могу уверить Вас, что мне иногда кажется будто эта книга писана не мною, так уж я далек от нее. Напряженность и натянутость, которые слишком часто в ней попадаются — отчасти могут быть извещены тем обстоятельством что когда я писал ее — я был за границей

и окруженный не Русской стихией и не Русской жизнью — невольно проводил карандашом два раза по каждому штриху. — В этом отношении я не совсем доволен и Муму⁶ — отчего мне крайне хочется чтоб Вы прочли мою последнюю вещь — «Постоялый двор» — Я не знаю — ошибаюсь ли я или нет — здесь нет никого, кто бы мог мне это сказать — но я полагаю что в П[остоялом] Д[воре] — я иду прямее и проще к цели — не кокетничаю и не умничаю — а стараюсь дельно высказать то, что почитаю делом. — Дай бог любому автору понять и выразить жизнь — где ему мудрить над ней или поправлять ее. — П[остоялый] Д[вор] давно готов и переписан — я жду оказии чтобы послать его в Москву к Кетчеру, которому напишу чтоб он непременно и в самом скором времени Вам его передал. — Заранее прошу от Вас, от Вашего брата и от С[ергея] Т[имофеевича] — строгого и подробного отзыва. — Мысль Муму Вами так верно схвачена что мне очень хочется знать что Вы скажете о П[остоялом] Д[воре]⁷.

Уединение, в котором я нахожусь, мне очень полезно. — Я работаю много — и кроме П[остоялого] Д[вора] написал первые три главы большого романа⁸ и еще небольшую вещь под названием: Переписка⁹. — Все это я желал бы прочесть людям во вкус которых я верю, — очень хотелось бы знать иду ли я настоящей или по ложной дороге. — Я бы много дал — чтобы иметь удовольствие видеть Вас у себя — но боюсь и просить Вас. — Поездка-то и — не очень дальняя — да человек-то я не на хорошем счету — да и Вы, кажется, немножко подгуляли. — А если бы можно было — как я был бы рад! — Стоит доехать (по шоссе) до Мценска — а оттуда до меня (до Спасского-Лутовинова) всего 10 верст.

Статья моя о книге Вашего отца явится в 1-м № Совр[еменника] — Месяца через два я пошлю еще другую. — Желал бы я чтобы первая эта статья Вам понравилась. — Там есть несколько мыслей о том как описывают природу, где я себя не щажу¹⁰. —

К[онстантину] С[ергеевичу] я на днях пошлю большое письмо о его статье в М[осковском] С[борнике]¹¹. — Странное дело! Мы сходимся с ним в воззрении на наш народ — но выводы у нас различные.

Ваше замечание на счет мужицкой речи совершенно справедливо. — В П[остоялом] Д[воре] — и следа нет всей этой дагерротипности. — Это все надо бросить — или, если без этого не выходит живо — бросить перо. —

Прощайте, любезнейший И[ван] С[ергеевич]. Бог знает, когда придется увидеться — но во всяком случае прошу Вас верить в искренность моей дружбы —

Кланяйтесь от меня всем Вашим —

Преданный Вам *Ив. Тургенев*.

Поздравляю Вас с новым годом. — Когда Вы получите П[остоялый] Д[вор] — доставьте Кетчеру Муму — меня просили переписать ее.

II

Любезный Константин Сергеевич, пользуюсь отъездом Н. А. Основского¹ чтобы переслать Вам несколько слов. Начинаю с извинения о том, что не ответил на Ваше письмо — но встретились такие обстоятельства, что ни минуты если не свободной — спокойной — не было. — Рецензия Совр[еменника] на Сочинения вашего батюшки² возмутила меня по крайней мере на столько же сколько Вас самих; я выразил им мое негодование — и, скажу Вам между нами — строки моей в Совр[еменнике] уже больше не будет³: но предлагаемое Вами средство (рецензия) — кажется мне неудобным и бесполезным. — Здесь дела идут, как вы уже знаете, дурно: особенно возмутила всех история польского «Слова» — и заключение Огрызки. — Должно сказать, что общественное мнение выразилось весьма единодушно на счет этого дела; — Государь получил несколько писем — между прочим одно от меня, копию с которого взял Основский —

и которое Вы можете у него прочесть, если это Вам интересно⁴. Впрочем я об этом обо всем переговорю с Вами лично на днях —: я буду в Москве в Середу на будущей неделе — и останусь до Субботы.

В ожидании скорого свидания дружески жму Вам руку. Кланяюсь Вашему батюшке и всему Вашему семейству, о котором я имею самые свежие сведения от Г. Карташевского⁵.

Преданный Вам *Ив. Тургенев*.

С. Петербург
12-го Марта 1859

III

Москва [1851]¹

Извините меня, любезный Аксаков, если я не могу сдержать своего слова — мне что-то очень нездоровится — и я решился остаться дома и даже лечь в постель. Я надеюсь что это скоро пройдет — и что я буду иметь удовольствие провести у Вас на днях вечер — положим в Середу — если этот день Вы не отозваны. — До свидания — жму Вам дружески руку и остаюсь

Ваш *И. Тургенев*.

Понедельник

IV

[Москва. 1851]¹

Я собирался к Вам писать, любезный Аксаков, когда получил Вашу записку. Рукопись² у меня — но Садовскому раньше пятницы утром нельзя. Кстати, я и свое тогда прочту. — До тех пор я Вас впрочем увижу. Ваша приписка мне очень лестна, но я думаю что так, как Вы желаете делать, лучше Вас не сделает никто. — Будьте здоровы — кланяюсь Сергею Тимофеевичу. До свиданья.

Ваш *Ив. Тургенев*.

Среда

Примечания.

I

В начале 1852 г. И. С. Тургенев выпустил в Москве первое издание «Записок охотника» в двух частях. Книга была послана автором С. Т. Аксакову. В упоминаемом Тургеневым письме от 4 октября 1852 г. И. С. Аксаков передал Тургеневу благодарность отца за присылку «Записок охотника» и вместе с тем высказал свои впечатления от книги, а также сделал некоторые критические замечания о форме и содержании «Записок». Между прочим, по поводу изображения помещика Любозвонова, одного из персонажей в рассказе «Одюдворец Овсянников», И. С. Аксаков писал:

«Послушайте, любезнейший Иван Сергеевич: как могли вы теперь оставить место о г. Любозвонове? Само собою разумеется, что под Любозвоновым вы разумели брата Константина, великодушно отвергая мнение Овсянникова — «что он не в своем уме», предположением, что он болен. Вы могли это написать в 1847 году, но теперь, для красного словца, вы пожертвовали истиной... Мало ли вы что тогда писали по ошибке и недоразумению! Теперь многое вам уяснилось, и как хотите, вы поступили не совсем согласно с вашим собственным убеждением. К тому же эта насмешка совершенно устарела. Все это было бы хорошо тогда, а теперь ни общество, ни публика не улыбнутся ни разу от этой выходки. Все подмостки, на которых стояли тогда насмехавшиеся, рушились под ними; убеждения, во имя которых они нападали, выдохлись и испарились и сами вы обо многом изменили свои мнения» («Русское обозрение», 1894, август, стр. 477.)

2. Кетчер Николай Христофорович (1806—1886) — врач и поэт-переводчик Шекспира (а также Шиллера, Гюгана и других). В 30-х годах сошелся с кружком Станкевича, затем был постоянным членом московского кружка западников, другом Белинского, Герцена, Грановского. С середины 50-х годов перешел в лагерь реак-

ционеров. В 1862 г. Герцен писал о нем: «Между нами и бывшими близкими людьми в Москве все кончено... Поведение Коршей, Кетчера... и всей сволочи таково, что мы поставили над ними крест и считаем их вне существующих» («Сочинения», т. XV, стр. 71). С Тургеневым был в приятельских отношениях.

3. Из первоначального текста рассказа «Хорь и Калиныч» было выброшено следующее место:

«В десяти верстах от усадьбы находилось до тла разоренное село, принадлежавшее... ну, кому бы то ни было. Владелец этого села ходил, вероятно, потехи ради, в мурmolке, и рубашку носил с косым воротником. Думаете ли вы, что Хорь промолчал об этой мурmolке, что мурmolка его ослепила? Как бы не так!».

4. И. С. Аксаков в письме от 22 января 1853 г. ответил:

«Вы слишком горячо приняли к сердцу, любезнейший Иван Сергеевич, мое письмо от 4-го октября: при чтении вашего последнего ответа, мне стало самому совестно, что я вздумал писать вам о таких пустяках, как Любозванов и проч. Будьте уверены, что брат мой ни на минуту не задумался над этим местом; ни тени неудовольствия в нем не было; ни он, ни я не сохраняем ни малейшего зерна досады или чего-нибудь подобного... Но довольно об этом». («Русское обозрение», 1894, сентябрь, стр. 8.)

5. И. С. Аксаков писал Тургеневу о «Записках охотника» (в письме от 4 октября 1852 г.): «Я сам перечитываю теперь «Записки Охотника» и не понимаю, каким образом Львов решился пропустить их. Это стройный ряд нападений, целый батальный огонь против помещичьего быта. Все это дает книге огромное значение, независимо от ее литературного достоинства. Конечно, не все рассказы одинакового достоинства. «Контора», «Бурмистр», «Бирюк», «Певцы» (где можно было бы обойтись без последней сцены пьяных в кабаке), «Гамлет Щигровского уезда», «Свидание», «Хорь и Калиныч» — лучше всех других. Хорош также, очень хорош «Овсянников». Но не могу удержаться, чтобы не сделать вам следующих замечаний.

В «Записках Охотника» встречаются очень часто такие натянутые сравнения, такие претенциозные остроты, такая изысканная наблюдательность, как будто любующая собою и всем говорящая: какова наблюдательность, а? — что я удивляюсь, как ваш строгий и разборчивый вкус допустил все это. К чему все эти шуточки и остроты, часто ни к селу, ни к городу, на счет старых девок, кислых фортепьян (слово *кислый* у вас в большом ходу), рыхлых купчих, дряблых грудей и проч., и проч.? Нападения на старых девушек напоминают мне нападения Вонлярлярского на единственные сапоги у бедняка. На этот счет так остроумно острят водевильные писатели, что вы могли бы не оспаривать у них первенства в этом отношении. Ничего подобного нет в «Муму».

...Мне пришло в голову еще одно замечание — относительно крестьянской речи. Я вообще против употребления крестьянской речи в литературе так, как она является у Григоровича и отчасти у Вас. Это не свободная крестьянская речь, а копировка, стьющая, по видимому, больших усилий. Григорович, желая вывести на сцену русского мужика вообще, заставляет его говорить рязанским наречием, вы — орловским, Даль — винегретом из всех наречий. Мне кажется, можно вложить в уста русскому мужику русскую крестьянскую речь без этого жалкого коверканья слов, без разных ужимок, составляющих особенность местную, а иногда и личную, и не одинаковых в каждом месте. Видно, что вы копируете и к тому же частехонько не доглядываете; у вас, например, мужик беспрестанно говорит: *удивительно*. Вы могли, конечно, услышать это слово от одного мужика, но вообще крестьяне этого выражения не употребляют. Думая уловить русскую речь, вы улавливаете только местное наречие. Впрочем, и то сказать, вы обозначили местность, где действуют лица ваших рассказов, и это обвинение относится к вам в меньшей степени, чем к Григоровичу» («Русское обозрение», 1894, август, стр. 476—477).

6. «Муму» — повесть И. С. Тургенева, написанная им в 1852 г., которую автор прислал И. С. Аксакову для подготовлявшегося последним «Московского сборника». Однако после первой книги издание сборника было запрещено, повесть «Муму» была возвращена И. С. Тургеневу и была напечатана лишь в 1854 г. в журнале «Современник» (книга 3). В письме от 4 октября 1852 г. И. С. Аксаков очень хвалил «Муму», ставя эту повесть выше «Записок Охотника».

7. «Постоялый двор» был получен Аксаковым 9 марта 1853 г. В своих

А собираюсь и ванд милая
проверю Аксаков, когда похорош
нашу гайку. Туннель у мент-
но Суровикову ванду направи
успехи небух. Кеману, и
и свои тогда форму. - Во степ
порт в ванд ванду ухину.
Ванда прииска мент оуб
мифа, но в думало по маку,
как же некаер отлаив, думе
наш не отлаив рик'но. - Туде
горотк - клашное Суров
Матвертну. до чужих.

Ами

Сред

И. С. Тургенев

письмах к Тургеневу все трое Аксаковых отзывались о его повести одобрительно. Впервые повесть была напечатана в журнале «Современник» (1855, ноябрь).

8. Работа над романом, о котором здесь упоминает Тургенев, осталась незаконченной. Тургенев отделал лишь первую часть романа и послал ее С. Т. Аксакову, который получил ее в начале августа 1853 г. Под влиянием отзывов Аксаковых, а также П. В. Анненкова, В. П. Боткина, Н. Х. Кетчера, которые тоже ознакомились с рукописью, интерес к начатой теме у Тургенева ослабел, и роман был им брошен совсем. Лишь немногие страницы из него были опубликованы в первой книжке журнала «Московский вестник» за 1859 г. под заглавием: «Собственная господская контора. Отрывок из неизданного романа».

9. «Переписка» была впервые напечатана в журнале «Отечественные записки», 1856, книга 1-я.

10. В 1-й книге «Современника» за 1853 г. была напечатана критическая статья Тургенева на книгу С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника». Обещанной Тургеневым второй статьи написано не было.

11. Речь идет о статье К. С. Аксакова «О древнем быте славян вообще и у Русских в особенности», напечатанной в 1-й книге «Московского сборника».

II

1. Основский — Нил Андреевич (ум. в 1871 г.) — беллетрист, сотрудник «Современника» 1850-х годов, «Русского вестника» и других изданий. Писал преимущественно охотничьи рассказы и повести.

2. Речь идет о статье «Разные сочинения С. Аксакова. Москва, 1858 г.», помещенной в журнале «Современник», 1859, кн. 2-я (февраль). Статья принадлежала перу Н. А. Добролюбова, который подверг резкой критике книгу С. Т. Аксакова, содержащую литературные и театральные воспоминания, биографию Загоскина и мелкие статьи и заметки.

3. В январской книге «Современника» за 1860 г. была напечатана последняя вещь И. С. Тургенева — речь «Гамлет и Дон-Кихот». Этим его сотрудничество в журнале Некрасова, ставшем самым передовым и боевым органом эпохи, закончилось навсегда, знаменуя собой окончательный разрыв западника-либерала с революционной демократией во главе с Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым.

4. Иосафат Огрызко (Ohryzko) (1826—1890) — польский политический деятель, издавал в Петербурге на польском языке газету «Stowo» (с начала 1859 г. по 21 февраля того же года). За помещение в № 15 газеты письма И. Лелевеля, известного польского историка и одного из главных руководителей польского восстания 1830 г., газета была закрыта, а ее издатель Огрызко был заключен в Петропавловскую крепость на месяц. Письмо Тургенева к царю относится к этому аресту. Позднее, в 1865 г., Огрызко был арестован по обвинению в участии в польском восстании 1863 г. и приговорен к смертной казни, которая была заменена 20 годами каторги. По отбытии сокращенного срока работ занимался адвокатурой в Иркутске, где и умер.

5. Карташевский — вероятно, сын Г. И. Карташевского (1777—1840), бывшего воспитателя С. Т. Аксакова во время пребывания последнего в Казанской гимназии, адъюнкта высшей математики Казанского университета, позднее сенатора. Как видно из воспоминаний С. Т. Аксакова, семья Карташевских была в близких отношениях с Аксаковыми.

III

1. На записке написано: «Его Высокоблагородию Константину Сергеевичу Аксакову. В Н. Иерусалимском переулке, в доме Высоцкой».

Датируется предположительно. См. ниже, примечания к письму IV.

IV

1. На записке написано: «Константину Сергеевичу Аксакову».

Датируется предположительно. Судя по почерку и чернилам, записки III и IV следовали одна за другой через короткий промежуток времени. Обращение: «Любезный Аксаков» дает основание заключить, что они относятся к началу сближения Тургенева

с Аксаковыми, так как в дальнейшей переписке (1852—1857 гг.) Тургенев к Сергею Тимофеевичу Аксакову постоянно обращается: «Любезный и почтенный», «любезный и дорогой», к Ивану Сергеевичу — «Любезнейший», к Константину — «любезный Константин Сергеевич».

Кроме того, во второй записке упоминается Садовский — несомненно Пров Михайлович (1818—1872), известный артист московского Малого театра, который бывал у Тургенева нередким гостем именно в 1851 г., когда Тургенев подолгу жил в Москве и у него часто сходились многочисленные друзья и знакомые из круга ученых, писателей и артистов.

2. Рукопись — К. С. Аксакова, очевидно, предназначавшаяся для прочтения у Тургенева.

И. С. Ежов.